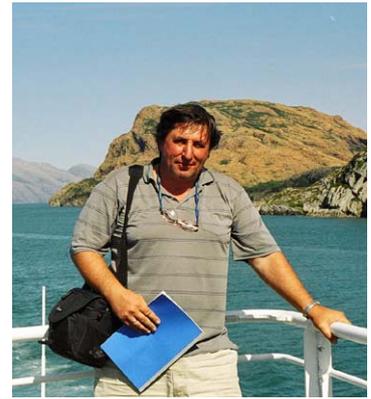

Евгений Плоткин

Англия - Шотландия - Уэльс

АНГЛИЯ – ШОТЛАНДИЯ – УЭЛЬС

Как известно, в России есть две основные напасти – это дураки и дороги. Как много у нас общего с Островной Империей! И мы, и они идем все время своим путем. Логика здесь искать не надо, английские дороги – это такое же состояние души, как английский юмор...

Мы проехали 5700 километров. Против движения. По всей Англии – Шотландии – Уэльсу. Безумно интересно! Этаким опыт оживления *topic'ов* из средней школы: "*London is the capital...*" В самом деле, *capital*. Он оказался существенно лучше, чем в первый раз. Зеленый, живенький городок с очень забавным лицом. А Британский музей – это действительно матерое зрелище. Надо же столько нахапать!.. Но зато все это сохранено, пронумеровано, почищено и упорядочено. Вспомнился Акрополь – унылый и разочаровывающий... Ан нет: на нем, оказывается, стоял когда-то фриз, выживший, несмотря ни на что и вопреки всему. Теперь он в Британском музее – и можно провести день, изучая, как же это греки представляли себе мироздание.

О Лондоне пишут все, да и вообще, это – не Англия, это – Лондон: с театрами, помнящими Шоу и Мозма; с Пикадилли, упирающейся в одноглазого адмирала Нельсона; с Тауэром, великим и могучим, как и положено быть артефакту мрачноватой и туманной местной истории; с мостом Ватерлоо, который никак не хочет плыть в тумане а-ля Клод Моне; с галереями Тэйт, старой и новой, где красочное воображение Тернера предвосхитило импрессионистский стиль жизни и живописи конца XIX века; с парками, где по газонам – ходить, и если дорожка – так, значит, по ней прошли недавно скучающим шагом местные лошади под седлом местных амазонок (которые так же далеки от "Амазонки" Брюллова, как рубль от фунта); с двухэтажными автобусами, покачивающимися на скользких и узких улицах; с мордастыми такси в стиле "*past times*"; с Вестминстером, где в парке около парламента растут роскошные шампиньоны; с китайским кварталом, где можно затовариться в магазине кокосовым молоком, бритами орехами личи и даже купить у фруктового гуру настоящий дуриан; с соседним с ним Сохо, где можно получить по морде ничуть не менее качественно, чем в родных пенатах; с ночными дискотеками в темных тонах, где все африканское

– и ритмы, и одежда, и, конечно, страсти; с... и так далее, и так далее, и так далее. Там было здорово – все дни, но мы оттуда смылись: как всегда, хотелось на волю, в пампасы.

Так вот – 5700 км с палатками, со старой компанией, где все уже продумано и известно до мелочей.

Пейзажи Англии очень литературны и историчны. На того, кто ребенком читал Конан Дойла, английские народные сказки с иллюстрациями Конашевича ("Робин-Бобин Барабек скушал сорок человек..."), Вальтера Скотта и Стивенсона, Алису и (с кем не бывает!) Шекспира, страна производит оглушающее впечатление.

Мы не стремились к этому специально, но так получилось – и мы выпили пива (какая гадость) в Корнуолле, в городке Пензанс, в пабе, где Билли Бонс получил черную метку в "Острове сокровищ" – это "Адмирал Бен Боу"; заночевали на Дартмурских пустошах, на болотах – мурах, где бегала собака Баскервилей; проезжали через Бат, который так любил

Диккенс и где в пабе же он писал свои "Записки Пиквикского клуба"; гуляли по маленькому, всему в буклях клонированных английских старушек типа "мисс Марпл" городку Лландадно – в этом непроходимом валлийском курорте с григорианскими гостиницами и роскошным морским променадом как раз и находилась маленькая кроличья нора, куда провалилась девочка Алиса.

А недалеко от Бата мы заехали в аббатство Гластонбери – о, это примечательное место! Здесь находится – ни больше, ни меньше – могила Короля Артура, здесь хранилась чаша Грааля, отсюда начинается прямой путь на Авалон... Здесь резвился и куролесил сэр рыцарь Ланселот. Разрушенное с размахом еще в XVI веке, аббатство смотрится великолепно на фоне английских газонов и ливанских кедров.

Шервудский лес остался в стороне, но вот гавани Робин Гуда мы не миновали – это недалеко от Йорка, где позднее лупили друг друга с энтузиазмом Ланкастеры и Йорки во времена Белой и Алой – какая романтика – розы. Оттуда же, рядом, отправился в плавание капитан Кук. "За что аборигены съели Кука, молчит наука..." – а, оказывается, наука не молчит: в Уитби имеется целый музей, посвященный капитану.

Вся Шотландия пронизана духом книг Вальтера Скотта и поэзией Бернса. Сам домик Бернса стоит в маленьком селе на берегу моря недалеко от Прествика. Унылая и аскетичная хижина, но то ли Маршак виноват, то ли просто – гений, но кто же не любит Бернса... и немного схватывает что-то.

Мое сердце в горах...
My heart in the highlands...

Оказывается, Маршак не точен: не в горах сердце, а в *highlands*, так как дом его, Бернса, как раз стоит в *lowlands*. В *lowlands* находится и дом Скотта. Мы проезжали места многочисленных шоттовских романов – том 7 моей школьной мечты, розового собрания Вальтера Скотта в 20 томах – "Пертская красавица", или 19 – "Легенда о Монтрозе" – скорее всего, я путаю тома – какая разница, но были и Перт, и Монтроз, и некая аура. А севернее, под Инвернессом, мы заехали в замок Ковдор, где обитала леди Макбет, а в 20 километрах от него – другой замок, и зовется он совсем нехитро: "Замок Броуди"...

Для меня всегда было загадкой, откуда в Англии берутся поэты? И художники. И даже музыканты. Но, прежде всего – что вдохновляло Шекспира, Блейка, Элиота, Теннисона?.. Вернее, кто? Английские женщины в своей массе наводят на мысль о скачках. Может, муза живет там недалеко от ипподрома? А слегка вяловатые мужики пасутся неподалеку? Но, тем не менее, и Байрон был лордом и англичанином, и страсти в английской поэзии ничуть не меньше, чем меланхолической грусти у русских классиков. Все это говорит о субъективности и относительности наших впечатлений, а

игривая эскапада фраз – не более, чем способ защиты от поверхностности выводов.

Мы проехали через Теннисоновские места и миновали Озерный Край, где среди холмов и озер создавалась знаменитая Озерная Школа. Уж не помню со школы, кто там жил – Колридж? И Стратфорд, шекспировский Стратфорд, был элегантен до необычайности. А лодки, плывущие среди сомнамбулических лебедей на Эвоне – это просто Джером Джером собственной персоной.

В этот раз мы увидели, наконец, знаменитый Стоунхендж на закате солнца при мерзкой ветрено-дождливой погоде. Не знаю, как кому, а мне это в самый раз. Мрачноватые мегалитические колоссы смотрелись совершенно естественно в этом антураже, как, скажем, их современники из Нильской долины Царей естественны среди одуряющего зноя Египта. Свет в природе, как и в театре, многое значит. Вернее, наоборот – в театре, как в природе... Несмотря на доходящую до придурковатости коммерциализацию этого места, Стоунхендж не разочаровывает, а вся округа с до-Кельтскими могильниками – это живая иллюстрация к Толкиену. Непонятно, почему толкиенутые еще не сделали какое-либо поле своим Мордором, а местности позеленее – Хоббитанией. Тут было бы все честно.

Ночевали мы не в Стоунхендже, а в Солсбери. Там стоит роскошный собор, который, в отличие от большинства английских соборов, не обрублен сверху под полубокс, а имеет изящный готический шпиль. Констебль, видимо, тоже задавался этим вопросом и беспрерывно рисовал этот собор среди полей. И мы тоже рисовали бы его еще и еще, если бы могли...

Животный и растительный мир Британии немного однообразен. В диком виде в Англии-Шотландии обитают пони. Почему именно пони, понять трудно – такова еще одна традиция. Нахальные такие, некрупные лошади, кланчат еду и пачкают на дорогах. Все умиляются. И мы тоже. "Пони бегают по кругу..." Лучшее место для английских пони – это Новый лес под Саутгемптоном. Новым он был еще в XI веке, когда сюда пришли норманны и стали тузить местное сакское население. С тех времен сохранились, как водится, предания и названия.

Мы остановились в лесу, у харчевни под названием "Руфус Стоун". Руфус этот был, кажется, негодяем – или героем, не суть, дело давнее... От харчевни начинается въезд в Новый лес – удивительное, диковинное место, так же далекое от наших перелесков, как берендеев лес от городского парка. Это широколиственный лес, и если уж хотеть представить себе Шервуд и Робин Гуда – так это тут, и Толкиен здесь же, и где-то Блейк неподалеку. Вообще, леса отражают народную душу, и Шварцвальд хорош для братьев Гримм, Гарц – для Гауфа, ну а Урал с Хозяйкой Медной горы – для Бажова. Так вот, Новый лес – лес, где стоят, шелестят, покачивают ветвями "и веют древними поверьями" ильмы, дубы, буки, ясени, вязы и еще неизвестно что, где солнце преломляется где-то далеко в вышине, а его лучи запутываются в зеленом хаосе над головой – этот лес на самом деле природный резерват одичавших пони.

Потом мы их встретили на Дартмурских пустошах. Но уже не одних, а в компании неизменных овец. Я не знаю, где там бегала собака Баскервилей, но ясно, что было это непросто, так как вся земля загажена продуктами жизнедеятельности этих животных, и

аппетит у них отменный, а пищеварение – еще лучше. Короче, на пустоши не пройти – грязно, да и пахнет. Амбре как на скотном дворе, и бедного Снупи наверняка хватил удар еще до того, как до него добралась собака Баскервилей.

Но все же овечьим апофеозом является Уэльс. Всю дорогу по Британии меня мучил вопрос: почему англосаксы избрали в качестве национальной еды разную маловразумительную пакость, почему не продаются на каждом углу сочные шашлыки и не стоят жаровни для целых баранов, что они делают с этим ходячим миллионоротым и безмозглым общественным организмом? Ну, стригут, потом мешок с шерстью относят в парламент, ну, ждут, пока отрастет, потом опять стригут, потом – что?.. А то, что овцы не доели, доедают кролики. Утром голову высунешь

из палатки, а вокруг уже сидят кролики: всю ночь трахались, теперь вышли на кормежку – Эдем, и никто их не трогает, они там вроде полевых мышей, только покрупнее.

В Шотландии встретились, наконец, олени. С тех пор, как Робин Гуд стрелял их в королевских лесах, животные видоизменились, стали совсем ручными и держат человека за некий четырехколесный антураж, безопасный и бесполезный – так как кормить их не кормят, ради их же блага... Однако красивы, величественны и диво как гармонируют с шотландскими холмами.

Холмы же поросли вереском, папоротником и чертополохом.

Чертополох – один из символов Шотландии. Дело в том, что если посмотреть на соцветие этого репейника в профиль, то в точности получится фигура шотландца, играющего на волынке. Слушать этот инструмент – все равно, что гладить чертополох...

Правда, есть в Шотландии нечто, что действительно греет душу. Это – коровы. Они мохнатые, коричневатые-темные, с челкой поверх волооких глаз и ужасно кокетливые. Каждая шотландская корова грациозна, как фотомодель, только более естественна. Чем дальше на север, тем их больше, а пик – это Даннет Хед, северная точка Шотландии перед Оркнейскими островами, где все гармонично: диковатые обрывы, белизна маяка, безбрежность моря, высота неба, свежесть воздуха, зелень полей и коровы, коровы, коровы...

Отдельная история - английские лошади. Они очень напоминают хозяев и, видимо, имеют далеких общих предков. В Кенсингтон парке при входе всюду висят указатели на памятник "физической энергии". Заинтригованные, мы пошли по следу и пришли к памятнику, изображающему лошадь и ее лошадиную силу. Вспомнился старый школьный анекдот: "Что такое лошадиная сила?" – "Это сила лошади весом в один килограмм и ростом в один метр" – "Где же Вы видели такую лошадь?" – "Ее нельзя увидеть, она хранится в Палате мер и весов в Париже"... Ну что ж, памятник лошади, конечно, должен быть в Лондоне, среди бесконечных памятников генералам, адмиралам и другим рабочим лошадкам во славу Ее Величества.

Англия – страна у моря, и морское побережье удивительное, каждый подъезд к нему – как ожидание маленького чуда. Пейзажи очень разнообразные, природа и здесь не допускает повторений.

Запомнился, конечно, Дувр. Побережье обрывается грядой белоснежных меловых утесов, а пляж весь черно-коричневый: это кремневая галька. Море растворяет мел, и на кило-

метр от берега тянется четкая салатная полоса растворенной извести; и лишь затем море становится цвета моря. А на берегу – конкреции кремня, причудливые, как корень мандрагоры.

В Пензансе, в Корнуолле, можно недорого наняться на морскую рыбалку. Мы вспомнили стойков – и не поехали, так как не было лишнего дня. А жалко.

Остров Скай – это внутренние Гебриды, Шотландия, некая туристская Мекка. Туда ведет сейчас мост, но это – с одной стороны, а с другой – паромчики времен королевы Виктории, утлые музейные суденышки. Остров по-прежнему дик, а его воды чисты, как слеза комсомолки.

Мы там драли мидий. Это была вахханалия! Мидии были всюду, крупные и свежие; и отмели, и камни – все поросло этим лакомством. Но, кроме мидий, там есть и гребешки, и всякая другая морская нечисть. Гребешки среди водорослей на фоне отлива – это нечто, достойное кисти Снайдерса. Но главное блюдо – это лангусты, они же лобстеры. Дело это дорогое, и мы заехали в очередной рыбацкий порт очередной рыбацкой деревеньки, чтобы сфотографировать ловушки на лобстеров – прямо-

угольные корзины – и купить у рыбаков что-либо.

Шотландский рыбак оказался симпатичным негром, который сообщил, что в Лондоне – тоска и беготня, а здесь, в Шотландии – совсем другое дело, и продал нам маленьких лангустов – лангустинов; они были божественны.

На севере Шотландии принято ездить на ботиках и смотреть бутылконосых дельфинов, тюленей и птичьи базары с красноносими тупиками в качестве основного блюда. В море полно цветных медуз и морских звезд. Все это великолепие так неожиданно на фоне холодных северных вод!..

Англия – страна соборов, их столько, что под конец они уже лезут из ушей. Конечно, можно было бы написать, что Франция – страна соборов, Испания – тут их вообще не сосчитать, ну а уж святая Русь... Но почему-то именно в Англии концентрация соборов оказалась такой впечатляющей. Может быть, они встречались чересчур часто? Вот если бы дозировано, порционно – скажем, по собору в день... Но хороши, очень хороши, мрачноваты, но величественны; это не Амьен и не Тур, здесь все проще, но и добротнее. Сколько их было –

и все самые, самые, самые... В отличие от других мест, соборы в Англии, как правило, при аббатствах, и лишь изредка это городские сооружения. Архитектура их не витиевата, но и далеко не проста. Кругом масса витражей, главные и боковые нефы расцвечены роскошными звездами, грифоны и прочие архитектурные твари водятся в изобилии, нервюры, аркбутаны, всякие подставки пахнут дремучей стариной... Монастырские английские парки, зеленые и ухоженные, создают совершенный фон для всех этих архитектурных изысков. Сами же соборы лишены полета – да и зачем летать, когда твердо стоишь на земле.

Самое сильное впечатление сохрани-

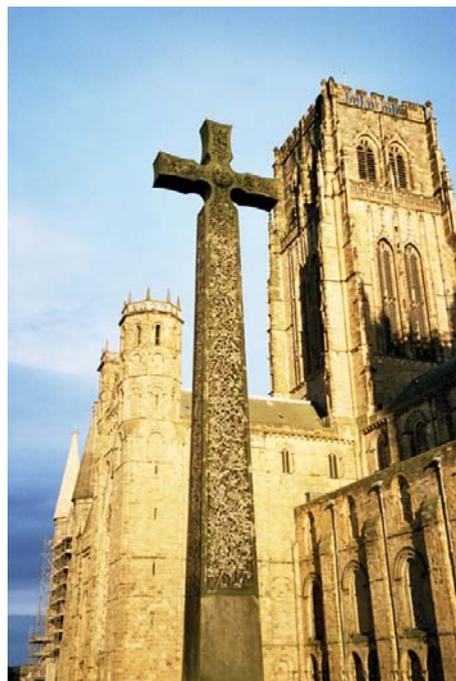
лось от собора в Йорке. Вдруг завибрировал свод и зазвучал орган. Звук легко заполнил неф и резонировал, уходя и возвращаясь... Пространство потеряло прозрачность и стало волной, передающей эмоции музыканта. Собор уплыл, оставляя лишь мысли... Затем звуки стихли, стены снова обрели устойчивость – наваждение исчезло. Осталось лишь искушение испытать его еще раз...

Огромный собор Дурхема стоит на обрыве и золотится на закате солнца, которое освещает кельтские круглые кресты и разбивается лучами среди их перекрестий. Кэнтербери, пожалуй, все же первый собор Англии, колоссальный, с многочисленными входами и подземельями. Он неотделим от парка, и парк неотделим от собора...

Очень красив собор небольшого городка Уэльс, недалеко от Бата, да и собор Бата, хоть и молодой, впечатляет веерообразными перекрестиями нефов. Или это в другом месте – я же говорю, все смешалось...

Самый длинный английский собор находится в Винчестере, он запомнился фактурой – рядом Ла-Манш, и темные кремневые бульдики вот уже многие века впаяны в его стены.

Ну, а Лондонский Вестминстер – это переплетенье английской истории, запечатленное в камне.

Считается, что в Англии говорят по-английски. Если бы... Там всюду имеется свой язык. В Корнуолле говорят на корнише, в Уэльсе – на вэльше, а в Шотландии, как ни странно – на галлике. Понять невозможно ничего, но страшно интересно. Самое же интересное – это Уэльс. Там существуют слова длиной с полкилометра, в написании которых нет ни единой гласной, зато многие из согласных идут по две подряд. В этом смысле слово Мкртыч из Ханумы – типично уэльское. Слова, как правило, произносимые – и уж, во всяком случае, нечитаемые. Любо-

му человеку, не знакомому с ивритом, может, это и в тягость, но я испытывал некий мазохистский кайф. Но, кстати, совсем уж туго воспринимать лондонский сленг – кокни, кажется. Настоящий денди не будет говорить на кокни, но не все там денди, ой не все! А Dandee, между прочим, – это город в Шотландии, на побережье...

Вообще, южный Уэльс – самое мрачное обиталище, которое мы видели в Англии (т.е. Британии). Все там невеселое, даже овцы какие-то грустные. Когда-то здесь происходили нешуточные разборки между валлийцами и англичанами. Один из памятников борьбы за свободу Уэльса в далеком средневековье выглядит так: под развалинами замка стоит рыцарь; вернее, не он, а оболочка – все железное, блестящее и пустое изнутри. Вспомнился старый анекдот: "Опять консервы", – подумал дракон, увидев рыцаря...

Я не помню, говорил ли я о еде. Еда – дело важное, еда в Англии дорогая и неэмоциональная. Душа не поет... но есть все же просит... Конечно, оставим в стороне национальную международную еду – китайские, индийские, тайские и прочие харчевни; они отличаются от места к месту только ценой. Оставим национальный лондонский деликатес – утку "по-пекински". Оставим овсянку, бекон, хорошую яичницу. А вот, кроме этого, существует английский завтрак – дают деревянный тост с маслом и джемом...

Мы же пристрастились к "Fish and chips". Это символ еды, как пирожки с капустой. Рыба бывает разная, в основном все же треска – ее-то мы и трескали. С картошкой очень даже ничего. Но несколько однообразно.

Сыр английские патриоты едят "Синий Стилтон", он замечательно зеленый изнутри от какой-то специальной плесени, но с вином – ах, какой он с вином!.. Вино входит все больше в английский рацион, хотя пиво и эль пьют без всякого разумения. Английская жажда, кстати, какая-то не такая всепобеждающая, как в России, пьют а основном в пабах и специально отведенных для этого парках.

Но все же всем бывающим в Англии рекомендую *Pickles* – это нечто консервированное, типа овощей в сладком соусе, и продается в любом супермаркете. Эффект – потрясающий!..

Встречаются и локальные блюда. Например, в Корнуолле полагается есть корнуолльские пирожки – большие такие конверты с чем-то съедобным внутри. Но не щелкайте клювом – за каждым жующим внимательно следят агрессивные корнуолльские чайки, и натурально выхватывают пищу из рук, если хоть на минуту потерять бдительность.

Есть, конечно, и шотландский виски. Виски полагается пробовать, а не пить, и делать это надо в специальных шотландских вискодельнях, в антураже волюнок, клетчатых мужских юбок и историй про то, как сама королева пробовала это пойло. Пойло же резко отличается по качеству и цене, причем, что удивительно, чем дороже – тем лучше... Но, как правило, так дорого, что уже и не хочется. Ни капельки – в любом смысле слова.

Вообще же, эти вискодельни, называющиеся загадочным словом "дистиллеры" – любопытный феномен. Ну, представьте себе, что вы въезжаете, скажем, в Тамбовскую область, а там через каждые 2-3 километра музей и дегустация водки. И все так чистенько, упорядочено и аккуратно, с элементами российской истории и технологическими подробностями. А вокруг туристы, туристы, туристы...

В отличие от России, где всегда спросом пользуется заборная живопись, во всезападном мире распространена столбовая и плакатная. В Англии можно прочесть массу информации о том, что кажется слегка странным. Скажем, надпись "Завтрак 24 часа в сутки" заставляет задуматься, сколько же раз в сутки ужин и где там место для обеда. Или очаровательна в своей деликатной непосредственности надпись в соборе: "У нас в крипте открыто новое кафе"... Ну, в самом деле, в крипте же, не в склепе все-таки, и кафе – а не что-нибудь другое. И так – повсюду. Прекрасная надпись встретилась в Уэльсе: "At any time" – "В любое время". И все. А что в любое время? В любое время можно? Или, скорее, в любое время нельзя? Или просто: все в любое время, но за дополнительные деньги?..

На столбах пишут разное: что место охраняется видеокамерами; что налево – клуб и за деньги, а направо – сортир и бесплатно; что собаки должны быть на коротких поводках и

в намордниках, а в противном случае – штраф, суд, Сибирь; что парковка запрещена; что дворники подметают эту сторону улицы по четвергам и вторникам; что "не оставляйте животных в машине, пока пьете пиво, им там душно"; что налево пойдешь – коня потеряешь... Возникает ощущение невидимых рамок и веревок, опутавших пространство. Но, видимо, так все же проще, удобнее и спокойнее. Но не греет... Правда, в Англии можно ходить по газонам, и это льет бальзам на душу каждого, кому травка, поросшая надписями "Не ходить", "Не сидеть", "Не лежать", знакома с детства.

Конечно, надо все же сказать об англичанах. Мы их видели, а поскольку ночевали в кемпингах, то даже общались. Так вот, они – очень разные, очень. Самые английские англичане встречаются в упомянутом Лландадно. Там отдыхают пожилые британцы. Это что-то невероятное: средний возраст этого городка – лет 75 минимум. Отличить одну старушку от другой практически невозможно. Разве что органолептически. Выражение лиц соответствующее, как будто все купили одну и ту же маску и играют в игру "Ну-ка угадай, как меня зовут"... Старички более разнообразные – по крайней мере, внешне. Они сидят на скамеечках, ходят по магазинам, и чувствуется, что они вписаны в эту землю, как круг в треугольник.

Очень приятная встреча произошла в кемпинге "Триглессон" в Уэльсе. Триглессон этот жил, как водится, в XV веке, а сейчас вокруг старинной усадьбы – тихий и очень уютный кемпинг, недалеко от моря. Утром я встретил средних лет англичанку, выгуливающую на поводке пару белых хорьков. Само по себе это было не банально и, естественно, мы разговорились. Она сказала, что собак держать дорого, а крысы – чудо, как хороши, но не живут долго, и она решила попробовать держать хорьков. Я спросил: "И как вам живется?" Она ответила: "Немного тоскливо..." Очень все было по-человечески. И вся беседа, и последующее чаепитие прошли как-то очень деликатно и без напряжения.

На этой приятной ноте, абсолютно серьезной, мне и хочется закончить. Англия стала чуть более привычной, может быть, более понятной и, наверняка, более знакомой. И сейчас чувство, как после длительной и успешной рыбалки: "Усталые, но довольные..." – так, кажется...

Ну, все, хватит эмоций на месяцы; но пройдет время, совсем немного, и опять потянет в Англию. Или куда-нибудь...

Или куда-нибудь...

